

бежать в форме повелительного наклонения (беги). Восклицательный знак подчеркивает взволнованное состояние персонажа на синтаксическом уровне.

Известие об обнаруженной и обезвреженной мине вырывает ефрейтора П. из состояния одухотворенности и возвращает его к суровой действительности, ситуационная роль влюбленного уступает место позиционной роли солдата: «И тут П., стиснув руку своего пленного, рывком поднял его на ноги с яростной жадной пнуть сапогом в живот – этого врага, это чудовище, что улыбалось лицом прелестной девушки и чьи коварно спрятанные львиные когти метили во все живое: а-а-а! – наступить врагу на глотку, свалить его с ног, растоптать, разорвать на части» [4, с. 410].

При помощи данного текстового фрагмента немецкий писатель высвечивает истинную сущность своего персонажа. Метафора яростная жажда указывает на то, что сильный гнев и злость немецкого солдата порождают у него страстное желание доставить пленнице страдания и даже уничтожить ее, что в свою очередь прослеживается в использовании отрицательно окрашенных словосочетаний и лексем, актуализирующих семы «боль», «смерть»: пнуть сапогом в живот, наступить на глотку, свалить с ног, растоптать, разорвать на части. Отметим также, что, расположенные по принципу восходящей градации и связанные посредством бессоюзной связи, вышеречисленные выражения сигнализируют о внутренней эмоциональной напряженности солдата. Повтор указательного местоимения (этот, это) интенсифицирует отрицательную оценочность лексем враг, чудовище, входящих в номинационный ряд молодой гречанки. Так ефрейтор П. создает для себя лишенный человеческого облика образ хитрого и опасного врага, не позволяющий больше сочувствовать и сострадать ни в чем не повинной девушке.

В отличие от ефрейтора Хорста П., который только помышляет свести счеты с пленницей, капитан Нейберт вымещает на девушке все свои негативные эмоции: «...Капитан ринулся к девушке, которую П. по-прежнему держал за руку, и с резким всплеском хлестанул ее по лицу справа и слева, и продолжал хлестать, когда у той носом хлынула кровь и полилась на рот и подбородок, и, продолжая хлестать окровавленными ладонями, кричал: – Свины, свины вы, свины! – И то был его собственный стыд и позор, это его исхлестывал он кровавыми руками – и вдруг остановился, удивленно глядя на ту, что безмолвно стояла, не плача и не крича, – и вдруг лицо его поблекло, две глубокие складки залегли у рта, взгляд поник, скулы обозначились резче, кровавая рука повисла, и медленно, бесконечно медленно, капитан отвернулся и взгляд его уперся в необъятное небо, раскинувшееся над камнями, и капитан почувствовал, что его сейчас вырвет, но тут к нему обратился фельдфебель, а там капитан чальник отряда саперов явился с докладом, а там в небе замелькали коршуны и опять заржал мул, а там все и прошло» [4, с. 410–411].

Таким образом, приведенный фрагмент, оформленный как авторское описание с включением прямой речи персонажа, рисует образ другого, еще неизвестного читателю Иоганна Нейберта – Нейберта-фашиста. В отличие от лояльного и доброжелательного профессора Нейберта, капитан Нейберт проявляет такие черты характера, как агрессивность, жестокость и злоба, грубость, что ощутимоказывается на его поведении: капитан не только поднимает руку на беззащитную девушку, но и жестоко и продолжительно избивает ее. Полипот хлестанул-хлестать, продолжал-продолжая свидетельствуют об этом на языковом уровне. Предельный накал эмоций отражается и в речи капитана, на что указывает глагол кричать в авторской ремарке, а также точный повтор стилистически сниженной лексемы свины, включенной в реплику персонажа для характеристики греков. Эмфатичность фразы подчеркивает и финальный восклицательный знак.

Итак, социальная роль неотделима от поведения и поступков персонажей, что проявляется в их речи. Прием игры позиционными и ситуационными ролями позволяет писателю Ф. Фюману проследить трансформации, происходящие в социальном и речевом поведении немецких солдат, что способствует созданию ярких и глубоких образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / В. А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
2. Маслова, В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : Выш. шк., 1997. – 156 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.
4. Фюман, Ф. Избранные / Ф. Фюман. – М. : Худож. лит., 1973. – 495 с.

Скоропанова И. С. (Минск, Беларусь)

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ ВСЕВОЛОДА НЕКРАСОВА

Достижения некоторых авторов в литературе XX столетия мы постигаем с опозданием, так как в советскую эпоху они не имели возможности печататься. В их числе – русский поэт, представитель андеграунда Вс. Некрасов. Значима его роль в обновлении литературного языка. Словотворчество поэта имело целью преодоление языковой изношенности, идеологизма, разрыва между означающим и означаемым. Данная проблема интересовала не одного Вс. Некрасова, но именно он вместе с В. Сосновой делит первое место в русской поэзии второй половины XX века по объему созданных им авторских неологизмов, каких у Вс. Некрасова более двухсот.

Вот их перечень: «антистих», «антипротон», «антинуклон», «антикапрон», «антибелый», «антисвет», «антивоздух», «антинет», «антида», «антиморда», «анти-античепуха», «антихвост», «ошибать», «пахнутые», «ахнутые», «насеровано», «Миссисипибис», «кыште», «можней», «тоготоготоготоготавота», «Москов», «маловолнечно», «соснечно», «ноча», «зимаша», «фонария», «светофория», «воздухоохранилище», «холодоход», «тучит», «рассамара», «никогдавно», «самоуважающемсяя», «экстОза», «лонжюможности», «недовознесенского», «сокольницы», «апрелёнок», «апрелята», «ёлкино», «снегота», «снеготаялка», «трус», «можней», «давители», «потоман»¹, «хуебин», «прогнозника», «даки», «кагыбы» / «кагъбы», «образие», «такпросто», «воттакие», «сексучая», «сексучка», «сик-сиксвальный», «снегушки», «мызамир», «полупароход», «полупаровоз», «бегак», «либет», «продо лжаемте», «Продолжаем-лжаем», «лге», «крытики», «соц-принуд-реализм», «охолуеть», «охолуительно», «охолуенно», «холуятня», «рабёньши» с «палачатами», «мыстика», «кампуцисты», «ахидея», «Сдержинского», «вечистская», «припономарёвье», «продвижник», «мордодержавие», «россисгский», «землята», «берлинственно», «разуниверзитетштатт», «тызнаешьчто», «чертзнаетчто», «холдингование», «дарум», «засозерцало», «перехрень», «ЦДЛССПКПСС», «КГП», «несоседей», «ИСКUNSTBO», «МАНИпуляции», «фальшивоМАНИтчики», «Гройс-Виссен-унд-Гезель-Шафа», «нихтзайн-мейстеры», «сссытынист», «аукционизм», «иртеться», «иртюшки», «игрюшки», «пригушки», «пригота», «пригоритеть», «пригать», «телемизианые <лектории>», «эпштейнат», «парфенчики», «русее» / «русей», «лианозовость»,

¹ «После потоман» есть и у И. Бродского; но, скорее всего, авторы создали окказионализм независимо друг от друга.

«телевидя», «в ТЕЛЕВИЗОВАННЫХ <формах>», «дыр<божий>», «портретнее», «не боррись», «хап-цап / туалнизм», «сволоченок», «самосмертоубийственный», «фигция», «словес-ност-ности», «айзенбергонизовал», «кальманахально», «сабуруватая», «сабурная», «засабурные», «тотенгруппенгуриенкомф», «с осами», «Социалистического», «немзирая», «снегота», «<не>листья», «<на>воздушке», «коляжик», «думаемымте», «корыгич», «александроминкинский», «Недославля <нет>», «<лето>перелето», «звездята», «УжЭ», «ким са мол», «евтушенцев», «безразрешенцев», «понебыло», «перцеп / туалнизм», «пепперцеп / туалнизм», «ценцип / туалнизм», «правосламским», «Сорососось», «До-осто- Достоевский», «Дух-/ ховно» / «дух-ховному», «а-куль такого – а – / культизмом», «<за> садизмо-епс-сатанизмом-епс-<составом> / епс-ансам-бля<солистов>», «воробызм», «стихопись», «Досто осто стоп стоп сто примечательность», «трансполком», «энтвесное», «метафёра», «Сочи/алистические Сочи», «краснокандагар», «эф/сесере», «похабиты», «художественность», «Прохвоменко», «Пархомер», «авангардизм», «концептуализмус», «концепт-мастеры», «попс-постмодернизм», «стихопатия», «никтожество», «переперестройка», «александроархангельство», «тусовещкая <власть>», «тусиздат», «тусоведение», «маньеры», «грантомёты», «VIP-шпана», «COOLтура», «COOLюлюканье», «ворократия», «шкурократия», «халтурократия», «журнальё», «газетёр», «смертискусники», «комнацбредятиня», «шокнутость», «обобщаги», «паразитуря», «распеканцы», «Давнокомандующего», «Недавнокомандующего», «популитдемагогия», «общенациональ», «дурдомострой», «курация», «коррупторство», «транс-касаткинская», «землята», «<Минск>Свислыч», «академия», «в укороченном <виде>», «ворчество», «СовМинкин», «женирейново», «пост-прости Господи-Модернизм из-под Мост-извините нас-Банка», «Хлытос», «Сего н д Я», «метамутота», «концептмастерство», «шок-секс-шоп-терапия», «ЕПС-Пригов-шок», «ГЭСы-киксы-коммунисты», «рыгыгы», «Гройсснитхайн», «гройскунштуки», «Грой(й)сполитик», «гросснитхайнмастер», «нихзайнмастеры», «Nichtseinkomando», «<нас>вас-питали», «презантасонизм», «принуднебытие», «маньеры», «сверхнаше», «неписи», «визговня», «оглушиловка» и др.

Окказионализмы Вс. Некрасова, как правило, контекстуально-ситуационны и вместе с тем могут перерастать ситуационную фактичность, обретая обобщающий концептуальный характер. В этом случае в заостренном виде окказионализмы выражают суть рассматриваемого феномена (как она видится автору), содержат в себе и его оценку, не так уж редко – убийственную по точности попадания: тут уж Вс. Некрасов напоминает снайпера, который бьет без промаха. Чаще это явления идеолого-политического, этического, общекультурного, литературного ряда.

В числе первых – «ахидея», «вмифтилище», «комнацбредятиня», «кагыбы», «фигция».

Окказионализм «ахидея» создан путем сложения слова «ахидея» с выброшенным из него н и тем не менее легко угадываемым, простиупающим сквозь новообразованное благодаря возникающему созвучию, и слова «идея». Имеется в виду ложная, глупая, идиотская, оторванная от жизни, опасная идея (из контекста ясно – государственного масштаба), принимаемая тем не менее с восхищением (чем говорит входящее в состав окказионализма междометие «ах») в силу соответствующей ей идеологической подачи и бездумно-лопоухому восприятию.

Некрасовское «вмифтилище» образовано посредством внедрения слова «миф» в слово «вместилище», из которого выпали буквы «ес». Подразумевается: люди переместились из реальности в миф; его вместилищем стало их сознание. Имеются в виду немцы, воспринявшие при Гитлере идеи национал-социализма, а вместе с ними представление о своем расовом и национальном превосходстве и праве на мировое го-

сподство. Вместе с нацизмом окказионализм вообще дезавуирует мифологизацию сознания, способную увенчаться подлинной катастрофой.

«Комнацбредятиня» Вс. Некрасова произведена от частей слов «коммунистический», «национальный», «бред» и несет в себе критическую оценку советской идеологии, расцениваемой как утопическая, обещающая невозможное, несоразмерная живому человеку, оправдывающая методы революционного насилия, вылившиеся при Сталине в массовые репрессии, и тем не менее навязываемая обществу как обязательная. В этом поэту видится проявление некоего бреда, как и в форме национал-коммунизма, противопоставляющего себя всему остальному миру.

Эмоциональное воздействие того или иного некрасовского слововождения может усиливать его неоднократное воспроизведение. Таков у поэта окказионализм «кагыбы» (вариант «кагыбы»). Он соединяет в себе выражение «как бы» (имеющее у Вс. Некрасова значение мнимости) и сниженно-искаженное написание – по произношению – слова «ГБ». Насмешливо-иронический семантический ореол, который получает окказионализм, указывает на отрицательное отношение поэта к деятельности данной организации, предоставляющей людям иллюзорную безопасность и воспринимаемого поэтом как репрессивный инструмент власти. Поэт выражает желание, чтобы «кагыбы» и «не было бы» и никто не опасался стать идеологической жертвой.

Вместе с тем разочарование поэта вызывает и постсоветская действительность 1990-х, конкретно: игнорирование элементарных нравственных принципов, криминализация общества, продажность властных структур. Неисполненность обещаний реформировать государственную систему акцентирует у Вс. Некрасова окказионализм «фигция», соединяющий в себе слова «фиг» и «фикция» (с заменой к на г). Красивые лозунги оказались фикцией, люди получили фигу, констатирует поэт в стихотворении «а мы-то...», где и появляется означенный окказионализм. Суть происходящего в постсоветском обществе у Вс. Некрасова раскрывают окказионализмы «популитдемагогия», «ворократия», «коррупторство», «трансполком», «шокнутость».

Некрасовская «популитдемагогия» образована путем сложения части слова «популизм» и слова «демагогия». На официальном уровне через СМИ она внушает массам желанное, но не осуществленное, маскирующее безнравственный и даже преступный характер происходящего.

Ибо утвердилась, по Вс. Некрасову, не столько демократия, сколько «ворократия». Данный окказионализм соединяет в себе слово «вор» и греч. слово $\kappa\rho\upsilon\beta\eta\tau\eta$, что переводится как сила, власть, и в совокупности означает «власть воров».

«Коррупторство» у Вс. Некрасова слагают начало слова «коррупция» и разбитое на части, с анаграмматической перестановкой букв и выпадением слога ра слова «кураторство». Окказионализм акцентирует распространенность коррупции, с помощью которой добиваются желаемого у курирующих различные сферы хозяйства.

Понятие «трансполком» указывает на возникшую зависимость страны от глобальной мировой демократии и превращение России 1990-х гг. в криптоколонию, то есть колонию, полностью замаскированную под независимое государство (см. [1, с. 245]). Некрасовский «трансполком» включает в себя хорошо знакомое жившим в СССР слово «исполком» – орган государственной власти – и предлог транс (от лат. *trans* – сквозь, через), обозначающий глобалистский тип означаемой власти.

Окказионализм «шокнутость» возник на основе слова «шокотерапия», как обозначался в 1990-е резкий переход к новому типу экономики – рыночной, многих материально подкосившей. Это, по Вс. Некрасову, не единственное проявление беспредела, с которым столкнулись люди, и слово «шокнутость» у него созвучно со словом «чокнутость» с семантикой утраты рассудка.

Нередко касается Вс. Некрасов неприглядных человеческих качеств, социальной психологии современников.

Отталкивает поэта конформизм, разные аспекты которого фиксируют окказионализмы «даки», «трус»», «охолуеть».

Некрасовские «даки» – это люди, которые всегда говорят «да», то есть безоговорочно поддерживают власть, что бы ею им ни предлагалось и что бы она ни творила. Многочисленность людей такого типа подчеркивает их скрытое уподобление некой народности или этнической группе: новое слово создано путем соединения утвердительной частицы «да» и слога «ки», как бы по аналогии со словами «греки», «узбеки», «словаки», «эвенки», «поляки» и т. д. В свою очередь возникающая звуковая ассоциация намекает на сверхнациональный характер пародируемого явления, каковое не имеет границ. «Даки» воспринимаются как насмешливое обозначение массовых людей, «механических граждан», не знающих «антида».

Другой намек на причину конформизма содержит окказионализм «трус». У Вс. Некрасова это существительное, возникшее на основе слов «трус» и «трусить». Семантику трусости словоновшество в себе несет, но в отличие от слова «трус» новое слово смешное: непонятно, о ком идет речь: мужчине или женщине, единичном человеке или некоем слове; обозначаемое – какое-то безличностно-аморфное, потенциально нелепое, ассоциируемое с чем-то комическим существо. Так автор побуждает посмеяться над политической трусостью, превращающей людей в неидентифицируемые тени.

Может быть, самая отталкивающая Вс. Некрасова предпосылка конформизма – стремление сделать карьеру, поступаясь человеческим достоинством. Роль добровольного холуя поэт осмеивает, что отражают окказионализмы «охолуеть», «охолуительно», «охолуенно». В этом случае соединяются в единое целое корень слова «холуй» и анаграмматически вкрапленный в словоновшество мат. «Охолуеть», по Вс. Некрасову, – «рехнуться», вести себя как невменяемый, вращи в состоянии ничтожества, каковым помыкают, достичь полной степени человеческого падения.

Обобщающий сказанное неологизм – «охолуение» (созвучный с «оледенением» и ему подобным словам), указывающий на массовый характер фиксируемого явления (тем более отвратительного). Как бы для лучшего усвоения сказанного поэт использует четырехкратный повтор данного словоновшества (стихотворение «охолуеть можно...»).

Вышеназванные окказионализмы созданы Вс. Некрасовым еще в советскую эпоху. Но различные проявления безнравственности фиксирует поэт и в окказионализмах последующих лет. В большей степени при этом Вс. Некрасов касается сферы искусства и литературы, каковые тоже затронула криминальная революция 1990-х, выразившаяся в «перетягивании одеяла на себя»: присвоении чужих заслуг чужого места, чужой позиции – диссидентской, которая стала модной. Фальсификации в области истории неофициального искусства для Вс. Некрасова не приемлемы. Об этом свидетельствуют окказионализмы разоблачительного характера: «МАНИпуляции», «фальшивоМАНИтчики», «концептмейстеры», «хап-цап / туаллизм», «альманахально» и др.

О многом говорит, например, окказионализм «хап-цап / туаллизм», созданный посредством игры с понятием «концептуализм», созвучие с которым остается, но часть «концепт» заменяется отглагольными существительными «хап» и «цап», имеющими семантику беспардонного присвоения, захвата <общего достояния>. Вс. Некрасов имеет в виду концепцию русского концептуализма, культивировавшуюся Б. Гройсом и основанную, согласно Вс. Некрасову, на элементарном гешефте, благодаря чему

приятели и приверженцы Б. Гройса стали процветать, другие же концептуалисты (в том числе Вс. Некрасов) замалчивались, оставаясь как бы несуществующими.

Вообще, показывает поэт, утверждает Новенький Большой Блат, обслуживающий принадлежащих к возникшей системе. Данное обстоятельство у Вс. Некрасова фиксируют окказионализмы «тусовещая <власть>» (от «тусовка» + «советская»), «тусиздат» (от «тусовка» + «издательство»), «тусоведение» (от «тусовка» + «литературо-» или «искусствоведение»). Во всех этих словах есть часть «тус», заимствованная у слова «тусовка». Принцип тусовки предполагает раскручивание «своих» и задает тон в культурной жизни, организует ее в целях собственной успешности, претворения в истеблишмент. К таковым поэт прилагает понятия «грантомёты» (от «грант» и «гранатомёты»), «Соросососы» (от «Сорос» + «сосать» <деньги из фонда Дж. Сороса>), «ворчество» (от слов «творчество» с усеченной буквой т и «вор»), «презанта-сьонизм» (от «презентация», но с французским (по произношению) окончанием <то есть на западной ладе>) и др.

«...Я не вижу, чем поползновения нынешнего кураторства по существу отличались бы от чаший советского руководства: подчинить, присвоить искусство» [2, с. 479], – так оценил вышеописанное Вс. Некрасов. Отсюда и окказионализм «нихтзайн мейстеры» – мастера по организации несуществования. Поэтому предпринимается сессия разоблачения. Нихтзайну Вс. Некрасов объявляет нихтзайн, чему служат и протесно заостренные словоновшества: «корытыч», «СовМинкин», «тройскунштоник», «пригоритеть», «эпштейнат» и др.

Вообще каждое словоновшество имеет у Вс. Некрасова фактическую подоплеку, но без знания контекста семантика окказионализма может оставаться неразгаданной, а сам поэт показаться излишне агрессивным. На деле градация смеха зависит у Вс. Некрасова от степени отступления «портретируемого» от принципов порядочности. Если даже подчас поэт «перегибает палку», все равно привлекает внимание к литературным конфликтам, требующим своего осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галковский, Д. Два идиота / Д. Галковский. – М. : Изд-во Д. Галковского, 2009. – 368 с.
2. Некрасов, Вс. Наука как не знать / Вс. Некрасов // Журавлева А. Пакет / А. Журавлева, Вс. Некрасов. – М. : Меридиан, 1996. – С. 464–509.

Старасценка Т. Я. (Мінск, Беларусь)

ЗВАРОТАК ЯК МАРКЁР ЗНЕСНЯЙ ДЫЯЛАГЗАЦЫІ

Поліфанія мастацкага дыскурсу ствараецца пэўнымі сродкамі знешняй дыялагізацыі. Сярод навуковых даследаванняў па праблеме аналізу дыскурсу-маркёраў знешняй дыялагізацыі варта спыніцца на працы Т. Ф. Пляханавай, якая падрэзана характарызуе моўныя сродкі, інакш, дыскурсіўныя маркёры, дзякуючы якім акрэсліваецца зона дыялагічнага кантакту суб'екта (аўтара) з адрасатам (чытачом) [5]. На аснове аналізу англамоўнага мастацкага дыскурсу Т. Ф. Пляханавы вылучае сем дыскурсіўных маркёраў той мяжы, за якой пачынаецца зона дыялогу. Па-першае, часавы зрух, калі, напрыклад, словы персанажа афармляюцца ў прошлым часе, аўтарскі каментарый – у цяперашнім часе. Па-другое, замена апавядальнай асобы (апавядальніка). Гэта можа быць зрух у апаведзе ад 3-й асобы да апаведу ад 1-й асобы множнага ліку. Што да формы 1-й асобы адзіночнага ліку, то яна дакладна адлюстроўвае пункт гледжання апавядальніка і таму не з'яўляецца сродкам дыялагізацыі. У адрозненне ад яе, дэйктык *мы* садзейнічае пераўтварэнню чытача з назіральніка ва ўдзельніка.